

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подобное законодательство вполне бы нас устроило, за единственным исключением. Там имеются в виду лишь цветные и полувцветные, в том числе метисы и мулаты; но евреи, также представляющие для нас интерес, не рассматриваются как цветные.

Роланд Фрайслер, 5 июня 1934 г.

5 июня 1934 года, примерно через полтора года после того, как Адольф Гитлер стал рейхсканцлером, ведущие юристы нацистской Германии собрались вместе, чтобы составить проект так называемых Нюрнбергских законов, печально известного антисемитского законодательства расового режима нацистов. На собрании председательствовал Франц Гюртнер, рейхсминистр юстиции, там же присутствовали официальные лица, которым в последующие годы предстояло сыграть центральную роль в преследовании евреев Германии. На заседании присутствовали Бернгардт Лезенер, один из основных создателей Нюрнбергских законов, и внушающий ужас Роланд Фрайслер, будущий председатель нацистского Народного суда — человек, чье имя стало олицетворением законодательной дикости XX века.

Собрание было крайне важным, и присутствовавший на нем стенографист вел подробную запись, которую сохранила усердная нацистская бюрократия, зафиксировав один из ключевых моментов создания нового расового режима. Расшифровка этой записи открывает перед нами удивительный факт, являющийся отправной точкой данного исследования: собрание включало в себя долгое и подробное обсуждение

законодательства Соединенных Штатов. В начале министр юстиции Гюртнер выступил с коротким докладом на тему американского расового закона, тщательно подготовленным чиновниками министерства, а в процессе обсуждения участники встречи неоднократно возвращались к американским моделям расистского законодательства. Особенно удивительно то, что самые радикальные из присутствовавших нацистов являлись самыми страстными поклонниками тех уроков, которые преподнесли Германии американские подходы к решению многочисленных проблем. К тому же, как мы увидим далее, эта стенограмма не единственный документ, зафиксировавший интерес нацистов к американскому расовому законодательству. В конце 1920-х и начале 1930-х годов многие нацисты, включая самого Гитлера, проявляли серьезный интерес к расистскому законодательству Соединенных Штатов. Более того, в «Mein Kampf» Гитлер восхвалял Америку как ни больше ни меньше «единственное государство», добившееся прогресса в создании здорового расового порядка, подобного тому, который должны были установить Нюрнбергские законы.

Моя цель состоит в том, чтобы представить хронику забытой многими истории попыток нацистов найти вдохновение в американском расовом законодательстве в ходе создания Нюрнбергских законов и задать вопрос: что, собственно, это говорит нам о нацистской Германии, о современной истории расизма и особенно об Америке?

Преследование нацистами евреев и других народов, кульминацией которого стал холокост, считается всеми нами в высшей степени ужасающим преступлением XX века, и сама мысль о том, что нацистские политики могли каким-то образом вдохновляться американскими моделями, может показаться нам совершенно чудовищной, даже просто невероятной.

Естественно, всем нам также известно, что в эпоху восхождения нацистов к власти в Америке процветал собственный расизм, особенно — в южных штатах с их законами Джима Кроу. В 1930-е годы нацистская Германия и американский Юг выглядели, по словам двух историков из южных штатов, «зеркальным отражением друг друга» [1]: и там, и там существовали не имеющие себе оправдания расистские режимы, непревзойденные в своей жестокости. В начале 1930-х годов евреев Германии преследовали, избивали и часто убивали как толпы, так и государство. В те же годы точно так же преследовали, избивали и убивали чернокожих американского Юга [2].

Тем не менее трудно принять саму мысль, что американский закон мог оказать какое-либо непосредственное влияние на нацистскую программу расового преследования и угнетения. Какие бы сходства ни существовали между расистскими режимами 1930-х годов, сколь бы чудовищной ни была история американского расизма, мы привыкли считать нацизм кошмаром, не имеющим себе равных. Преступления нацистов воспринимаются нами как *nefandum*, самое дно того, что мы часто именуем «радикальным злом». Никому не хочется думать, что Америка хоть в какой-то мере вдохновляла Гитлера. В любом случае кажется невероятным, что нацисты испытывали потребность обращаться к какой-то другой стране за уроками расизма — и уж меньше всего к Соединенным Штатам, которые, каковы бы ни были их недостатки, являлись родиной великой конституционной традиции, основанной на свободе.

Практически никто не утверждал обратного — единственным примечательным исключением можно назвать прозорливый абзац в книге 2008 года «Империя Гитлера» Марка Мазовера [3]. Другие исследователи настаивали на том, что воспринимается большинством из нас как очевидная истина: естественно, никакого прямого американского влияния, по

крайней мере значительного, на нацистский расовый закон не было. Какие бы ни имелись сходства, нацисты сами создали свое чудовищное творение, и Гитлер однозначно не мог ничему научиться у Америки. Человеком, привлечшим устойчивое внимание к данному вопросу, стал немецкий юрист по имени Андреас Ретмайер, который написал в 1995 году диссертацию о Нюрнбергских законах, включавшую в себя изучение многих нацистских ссылок на американский закон [4]. Исследовав имевшиеся у него данные, Ретмайер пришел к обескураживающему выводу: Америка являлась для нацистов «классическим примером» страны с расовым законодательством [5]. Тем не менее он усиленно настаивал на том, что мысль об американском влиянии на Нюрнбергские законы «не только необоснованна, но и попросту ошибочна». В качестве аргумента своей правоты он заявлял, что американцы рассматривали евреев как «белых», что было огромной ошибкой с нацистской точки зрения [6].

К подобным выводам приходили и другие. «Немногие мимолетные упоминания нацистскими полемистами и “юристами” законов Джима Кроу¹ — пишет, к примеру, американский историк права Ричард Бернстайн, — являлись, насколько я могу понять, лишь попытками сослаться на сколь-нибудь значимые прецеденты собственных законов и правил с целью опровергнуть критику, а не реальными источниками юридического влияния» [7]. «Сегрегационные законы штатов, — вторит ему Маркус Ханке из университета Зальцбурга, — не оказали никакого существенного влияния» [8]. Совсем недавно, в своей книге 2012 года, Йенс-Уве Гюттель писал о «крайней незначительности американских законов о сегрегации» для политики нацистов. Нацисты, настаивает Гюттель, рассматривали Америку как безнадежно погрязшую в устаревшем

¹ Свод постановлений о расовой сегрегации в некоторых штатах США. — *Примеч. ред.*

либеральном мировоззрении [9]. И не было ничего, что можно назвать хоть каким-то влиянием с ее стороны. Все эти ученые прекрасно осознают, что нацистам было что сказать об американском законе, но они единодушны в одном: цель нацистов состояла лишь в том, чтобы заявить о наличии явных параллелей с их расистскими программами перед лицом международного осуждения [10]. Интерес нацистов состоял в том, чтобы насмеяться над Америкой, а не чему-то у нее учиться.

Однако при трезвом прочтении источники рисуют совершенно иную картину. Сколь бы чудовищным это ни могло показаться, реальность такова, что нацисты проявляли постоянный, значительный и порой даже излишний интерес к американскому примеру расового законодательства. Они определенно были заинтересованы в том, чтобы учиться у Америки. Собственно, как мы увидим далее, именно наиболее радикальные нацисты энергичнее всего настаивали на использовании американских моделей. Упоминания нацистами американского закона вовсе не редки и не мимолетны, а его обсуждение проходило в контексте принятия политических решений, не имевших ничего общего с международной пропагандой от имени режима. Что важнее, нацистских юристов привлекал далеко не только закон Джима Кроу. В начале 1930-х годов нацисты обращались ко многим американским законам, как федеральным, так и на уровне штатов. Для немцев Америка являлась не просто Югом — это была расистская Америка в намного более широком понимании. Кроме того, как это ни парадоксально, нацисты порой отвергали американский пример потому, что считали американскую практику слишком жестокой; для нацистов начала 1930-х годов, даже самых радикальных, американский расовый закон иногда выглядел чересчур расистским.

Следует подчеркнуть, что среди нацистов, агрессивно отвергавших либеральные и демократические ценности аме-

риканского правительства, никогда не наблюдалось чего-то хотя бы отдаленно похожего на восхищение Америкой. Они никогда не были заинтересованы в том, чтобы просто воспроизвести Соединенные Штаты в Центральной Европе. И тем не менее нацистские юристы не без причины рассматривали Америку как мирового лидера в создании расистского законодательства. И хотя многое в нем они осуждали, они также видели многое, чему стоило подражать. Возможно даже, что Нюрнбергские законы сами по себе отражают непосредственное американское влияние.

Предположение, что нацисты черпали вдохновение из американских расовых законов, создавая собственную программу расовых преследований, наверняка может огорчить многих — никому не хочется пятнать себя какими-либо связями с преступлениями нацистского режима. Но на самом деле вряд ли это должно удивлять внимательных исследователей истории нацизма. В последние годы историки опубликовали много свидетельств того, что верховное руководство Германии интересовалось и даже восхищалось различными американскими практиками, программами и достижениями, особенно в первые годы существования нацистского режима, когда он еще не рассматривал Соединенные Штаты как явного идеологического противника.

В частности, нацисты обращались к американскому опыту по тем же относительно невинным причинам, что и все остальные. Соединенные Штаты — могущественное, богатое и созидательное общество, и даже самые заклятые их враги находили поводы восхищаться им. Особенно трудно стало противостоять очарованию Америки в течение столетия, начавшегося с 1918 года. Как отмечали немецкие расисты межвоенного периода, Соединенные Штаты вышли из Первой

мировой войны «главной мировой державой» [11]. И вряд ли стоит удивляться, что нацисты, хотя и подвергали осмеянию либеральные и демократические ценности американского общества, но, как и прочие, искали, чему мог бы научить их этот глобальный двигатель прогресса. Как и всех, нацистов впечатляли энергия, с которой шло развитие американской промышленности, и живая атмосфера голливудской культуры (хотя их вкусы в ее отношении во многом характеризовались неприязнью к «негритянской» джазовой музыке) [12]. Гитлер, в частности, высказывал в «Mein Kampf» свое восхищение «массой изобретений», рожденных в Соединенных Штатах [13]. Во всем этом не было ничего необычного для нацистской Германии [14].

Историки, однако, показали, что в Америке также имелось нечто, оказавшееся более привлекательным для нацистских взглядов и целей. В числе прочего это касалось американской политики начала 1930-х годов. Давно известен странный факт, что нацисты часто превозносили Франклина Рузвельта и его правительство «Нового курса» в начале 1930-х. Нацистская пресса очень благосклонно относилась к Рузвельту, по крайней мере до 1936 или 1937 года, как к человеку, который получил «диктаторскую власть» и взялся за «смелые эксперименты в духе фюрера» [15]. Подобные высказывания звучали и в адрес того, что иногда в 1930-х годах называлось «фашистским Новым курсом» [16]. Глянцевый «Берлинский иллюстрированный журнал», отобранный у издателя-еврея и преобразованный в некое подобие нацистского журнала «Life», публиковал героические фоторазвороты о Рузвельте [17], в то время как нацистские газеты, такие как «Воля и власть», информационный бюллетень гитлеровского Союза молодежи, описывали его как «революционера», который мог потерпеть неудачу лишь вследствие отсутствия «дисциплинированной партийной армии, как у нашего фюрера» [18].

Тем временем Рузвельт, со своей стороны, несмотря на его явное беспокойство по поводу преследования немецких евреев и жесткие высказывания о «диктаторах», осмотрительно воздерживался от выделения Гитлера из всех прочих руководителей государств до 1937 или даже 1939 года [19]. Между двумя правительствами в начале 1930-х годов определенно не существовало тесных дружеских связей, но американско-германские отношения еще не омрачила атмосфера безоговорочной вражды. В этой связи стоит подчеркнуть, как недавно отметил политолог Айра Кацнельсон, что «Новый курс» во многом зависел от политической поддержки сторонников сегрегации на Юге [20]. Отношения между демократами северных и южных штатов были особенно теплыми в начале 1930-х, в период, когда, как мы увидим далее, нацистские эксперты особенно надеялись, что им удастся «протянуть руку дружбы» Соединенным Штатам на общей почве идеи о превосходстве белой расы [21].

Естественно, можно во многом преуменьшать значимость благоприятного отношения к «Новому курсу» Америки со стороны нацистской Германии. Вряд ли кто-то станет предполагать, что пример Рузвельта вдохновил Гитлера на то, чтобы стать диктатором; и в любом случае реальность такова, что американский президент был убежденным демократом, сохранившим американское конституционное правление в период, когда оно испытывало чудовищное давление [22]. Если даже Соединенные Штаты и Германия, оказавшись перед лицом жестоких вызовов Великой депрессии, вынуждены были прибегнуть к похожим «смелым экспериментам», это вовсе не делает их близкими по духу [23]. И как бы ни относились нацисты к расизму в южных штатах, сами белые жители Юга в большинстве своем не поддерживали Гитлера [24]. Если даже нацисты и рассматривали Америку «Нового курса» как потенциального товарища по оружию,

это вовсе не говорит нам о том, какого рода страной была Америка на самом деле.

Но — и здесь последние исследования германо-американских отношений внушают куда большее беспокойство — историки также обнаружили следы американского влияния на ряд однозначно преступных нацистских программ, в частности на нацистскую евгенику и смертоносные нацистские деяния в Восточной Европе.

Начнем с евгеники. Безжалостная евгеническая программа, целью которой являлось построение «здорового» общества, свободного от наследственных дефектов, стала краеугольным камнем нацистских амбиций в 1930-е годы. Вскоре после прихода к власти режим принял «Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными дефектами», а к концу десятилетия уже вовсю работала программа систематической эвтаназии, включавшая использование газа и ставшая прообразом холокоста [25]. Теперь мы знаем, что в основе этого кошмара лежала долгая совместная деятельность с американским евгеническим движением. В своей книге 1994 года «Нацистская общность: евгеника, американский расизм и немецкий национал-социализм» историк Стефан Кюль сенсационным образом продемонстрировал наличие активного общения между американскими и нацистскими евгениками до конца 1930-х, причем нацисты даже рассматривали Соединенные Штаты как «пример» [26]. В межвоенный период Соединенные Штаты были мировым лидером не только в конвейерном промышленном производстве и популярной культуре, но также и в «научной» евгенике во главе с такими фигурами, как историк Лотроп Стоддарт и юрист Мэдисон Грант, автор расистского бестселлера 1916 года «Поход великой расы, или Расовый базис европейской истории». Они продвигали идею стерилизации умственно дефективных и недопуска в страну генетически неполноценных иммигрантов. Их доктрина

просочилась в иммиграционное законодательство не только Соединенных Штатов, но и в других англоговорящих странах: Британия, Австралия, Канада и Новая Зеландия начали обследовать иммигрантов на предмет здоровой наследственности [27]. Кюль показал, что влияние американской евгеники сильно ощущалось и в нацистской Германии, где многие цитировали труды Гранта, Стоддарда и других американских евгеников.

Естественно, опять-таки можно попытаться преуменьшить значимость евгеники. Американские ученые, работавшие в этой области (какое бы отвращение они ни вызывали), не поддерживали массовую эвтаназию. И когда нацисты в самом конце 1930-х взяли курс на наиболее радикальные смертоносные меры, их непосредственная связь с американской евгеникой практически прекратилась. В любом случае эта наука, в свое время считавшаяся многими вполне уважаемой дисциплиной, была международным движением, влияние которого простиралось далеко за пределы как Соединенных Штатов, так и нацистской Германии. Мировую историю генетики вообще и евгеники в частности невозможно воспринимать как нечто исключительно германо-американское. Но интерес нацистов к американскому примеру не заканчивается евгеникой начала 1930-х; историки проследили также его продолжение в кошмарные годы холокоста начала 1940-х.

Ряд свидетельств, внушающих больше всего беспокойства, относится именно к этому периоду. Историки показали, что нацистская экспансия на восток сопровождалась ссылками на американское завоевание Запада с его войнами против американских индейцев. Эта история, в противоположность истории с евгеникой, в намного большей степени касается исключительно Германии и Америки. Нацисты были поглощены стремлением расширить *Lebensraum*, «жизненное пространство», для Германии за счет захвата территорий на Востоке,